

ВСТРЕЧА НА РАБФАКЕ

Начался учебный год на рабфаке. 100 его слушателей в течение восьми месяцев будут активно готовиться к поступлению в университет. Каким будет этот период? Несомненно одно: от рабфаковца до студента — один шаг. Каким он должен быть? Об этом шла речь в встрече ректора университета В. В. Рябова и секретаря парткома А. А. Подмазенко со слушателями подготовительного отделения.

Выступая перед рабфаковцами, В. В. Рябов сказал о роли рабфаков в подготовке специалистов с высшим образованием, призвал рабфаковцев принять участие в решении проблем, которые еще

имеют место на подготовительном отделении, быть авангардом студенчества и в учебе, и в общественной жизни.

Секретарь парткома университета А. А. Подмазенко в своем выступлении высказал пожелание коммунистам рабфака быть в передовых рядах, стать активными помощниками преподавателей в организации общественной воспитательной работы на подготовительном отделении.

На вопросы рабфаковцев ответили присутствующие в встрече секретарь комитета ВЛКСМ А. Краснов и председатель студенческого профкома С. Воробьев.

ОРГАН ПАРТКОМА, РЕКТОРАТА, КОМИТЕТА ВЛКСМ, ПРОФКОМОВ СОТРУДНИКОВ И СТУДЕНТОВ КУЙБИШЕВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Газета выходит с августа 1978 года. № 2 [172] Среда, 12 января 1983 г. Цена 1 коп.

ГОД МИНУВШИЙ, ГОД НАСТОЯЩИЙ

1982 год был интересным, хотя и нелегким для комсомольской организации университета. Это был год XIX съезда комсомола, на котором побывала наша студентка Надежда Соколова. Год 60-летия образования СССР. Поэтому и от нас требовалась работа, достойная этих дат.

Вот уже на протяжении нескольких лет стабильна успеваемость в университете: около 90 процентов. Это один из лучших показателей по министерству, а ведь именно в отношении к учебе в наибольшей степени проявляется жизненная позиция будущего специалиста, его политическая сознательность, гражданская зрелость.

Существенно повысилась активность студентов и их стремление к научной деятельности. Более 1040 студентов занимаются научно-иссле-

довательской работой по хоздоговорной тематике. В нашем вузе в прошлом году получили официальный статус шесть студенческих научных лабораторий и одно СКБ, работающее над программой «АСУ-«Комсомол». Есть чем гордиться нашим педагогическим отрядам, насчитывающим около 400 человек. Они действуют в 20 школах и в ГПТУ нашего города. Довольны работой наших студентов в ГПТУ № 6, школах 155, 29, 110.

Нельзя не отметить и многолетнюю плодотворную работу КИДа «Рот Фронт» под неизменным руководством Л. Ф. Чарковской.

В прошлом году по инициативе клуба было собрано и сдано в Фонд Мира более тысячи рублей. Запомнились студентам и встречи с председателем комитета университета ветеранов

Великой Отечественной войны В. С. Антоновым, который рассказал об обороне Москвы.

Интересно прошла конференция по проблемам молодежного движения, посвященная 60-летию СССР, в рамках которой члены КИДа обобщили богатый опыт по сотрудничеству с интерклубами Казанского, Башкирского, Туркменского и других госуниверситетов, с которыми «Рот Фронт» связывает многолетняя дружба.

В полный голос заставил говорить о себе оперативный комсомольский отряд. Если раньше приходилось уговаривать людей вступить в ОКОД, то сейчас отношение к нему иное. Актив отряда отбирает наиболее достойных. Думается, что и в настоящем году оперативникам будет свойствен такой же боевой настрой.

В 1982 году в университете начал действовать «Комсомольский проектор». Возглавила это дело Галя Применко, неутомимая энтузиаст-

ка. Ведь опыт работы приходится собирать по крупицам, так как ни в одном вузе области «КП» не было.

Много можно было бы еще рассказывать о том хорошем, что успели сделать комсомольцы в ушедшем году. Но нельзя не сказать и о тех проблемах, которые еще предстоит решать.

Пожалуй, как никогда остро стояла и стоит проблема кадров и внутрисоюзной дисциплины. Это не значит, что нынешним членам комитета комсомола пришлось исправлять ошибки своих предшественников. Нет. Но нельзя не считаться с тем, что время идет и требования к комсомольскому активу повышаются. Недостаточны те формы работы, которые удовлетворяли еще три-четыре года назад. Интенсивность учебной и общественной нагрузки значительно возросла, что требует новых более гибких форм работы, а более половины комсомольских активистов к этому не готовы. Нередко приходится встречаться и с откровенным

проявлением потребительской психологии, иждивенческих настроений.

Отсюда первым вопросом повестки дня собраний комсомольцев университета в 1983 году остается внутрисоюзная дисциплина. Это вытекает и из задач, поставленных перед комсомолом на ноябрьском пленуме ЦК КПСС и на последних пленумах ОК и РК КПСС и ВЛКСМ.

Недостаточно чувствуется роль комсомола в общежитии, не на высшем уровне у нас организовано социальное соревнование. Много вопросов предстоит решать комитету комсомола по эстетическому воспитанию студентов.

Не было движения вперед в развитии ССО: уменьшилось количест-

во стройотрядов, занявших призовые места в зонах. Уступили мы лидерство и в целом медицинскому институту, тогда как раньше мы опережали мединститут по баллам почти в два раза.

Решение задач, которые стоят сейчас перед нами, в значительной степени зависит от боевитости комсомольских организаций групп. Мне думается, настало время поставить надежный заслон и словесной трескотне. Ленинский принцип единства слова и дела должен стать нравственным ориентиром каждого комсомольца.

А. КРАСНОВ,
секретарь комитета ВЛКСМ.

Воспоминание о Новом годе.

Сессия...

Сессия???

Сессия!!!

Существует стойкое мнение, что математика необходима в физике лишь постольку, поскольку она дает физикам аппарат для проведения необходимых вычислений. Однако математика играет в физике гораздо более тонкую и важную роль. Дело в том, что если для некоторого раздела в физике создана удачная математическая модель, то исследование ее математической структуры, как правило, приводит к более глубокому и широкому пониманию сути физических явлений. Ярким примером здесь является применение в последние 20 лет методов теории групп в физике элементарных частиц.

Предмет математической физики как раз и составляет исследование математических моделей физических явлений. Традиционная математическая физика была связана с задачами классической физики. Пятьдесят лет тому назад фронт физических

ТАЙНЫ ЗАГАДОЧНЫХ ФОРМУЛ

Сложный предмет — трудный экзамен. Эти понятия тесно взаимосвязаны. Чтобы как-то помочь студентам, редакция на время сессии решила открыть консультационный пункт.

Опыт показал, что у физиков, например, труднопреодолимым барьером стал экзамен по математической физике. Как его преодолеть, советует доцент кафедры ОТФ А. Горохов.

исследований переместился в область квантовых явлений, в результате чего возникла современная математическая физика, в значительной мере использующая идеи и методы функционального анализа. Современная физика стала настолько математизированной, что листья, например, журнал «Теоретическая и математическая физика», сразу трудно понять, кем он написан: профессиональным математиком или физиком-теоретиком. Это предвещает очень высокие требования к уровню математической подготовки физиков. Современному студенту практически за то же время, что и несколько десятков лет назад, необходимо освоить гораздо более сложный материал. Но, на мой взгляд, эта трудная задача существенно облегчается тем, что нынешние студенты не имеют многих психологических барьеров, свойственных старшим поколениям. Так, например, тензорный анализ, еще сравнительно недавно считавшийся верхом мудрости, теперь с успе-

ком изучается студентами-физиками на втором курсе.

Кратко остановлюсь на уровне требований, предъявляемом на физическом факультете к студентам, изучающим методы математической физики. Этот курс читается в тесной связи с другими разделами теоретической физики, поэтому от студента требуется не только разобраться в доказательствах математических теорем, но и научиться видеть абстрактными математическими построениями конкретную физику, то есть в идеале научиться создавать адекватные изучаемым математическим явлениям математические модели. Особенно это важно для тех студентов, которые хотя бы занимаются в будущем исследовательской работой. Большое значение придается решению задач. Математику можно выучить только самому решая задачи, а не наблюдая за тем, как это делают другие.

При подготовке к экзамену очень полезно составить сжатый конспект лек-

ций и материалов, изучаемых по книгам, особое внимание уделите логической взаимосвязанности разделов и основным идеям, которых не так уж и много в любом курсе. Главная ошибка большинства добросовестных студентов состоит как раз в том, что они пытаются выучить все подряд и при этом тонут в море второстепенных деталей. При самых добрых намерениях такой подход ведет, как правило, к провалу в сессию, особенно в том случае, когда подготовка была начата лишь за несколько дней до экзамена. При подготовке нужно не просто читать лекции или учебник, но и обязательно проделать самостоятельно все выкладки и разобрать решения нескольких типичных задач по каждому разделу курса. После этого прежде загадочные формулы станут понятными и естественными и их уже не надо будет запоминать. В заключение хочу пожелать всем студентам успешной сдачи сессии.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Н. ТОЛСТОГО

«МОЙ ПУТЬ»

В Куйбышевском книжном издательстве вышла в свет книга «Алексей Толстой и Самара». (Из архива писателя). В нее вошли материалы из так называемого самарского архива А. Н. Толстого. Это письма будущего писателя к матери и отчиму, первые литературные опыты А. Толстого, относящиеся к самарским годам его жизни, воспоминания близких и товарищей по учебе в Самарском реальном училище.

Составители книги и авторы комментариев — М. П. Лимарова и Л. А. Соловьева.

Предлагаем вниманию читателей страницы из раздела «А. Н. Толстой о себе». Ниже публикуется (в сокращении) «Краткая автобиография» писателя, которая впервые была напечатана под заглавием «Мой путь» в журнале «Новый мир» в 1943 году.

Я ВЫРОС на степном хуторе верстах в девятистах от Самары. Мой отец Николай Александрович Толстой — самарский помещик. Мать моя, Александра Леонтьевна, урожденная Тургенева, ушла от моего отца, беременная мною. Ее второй муж, мой отчим, Алексей Аполлонович Бостром, был в то время членом земской управы в г. Николаевске (ныне Пугачев).

Моя мать, уходя, оставила троих маленьких детей — Александра, Мстислава и дочь Елизавету. Уходила она на тяжелую жизнь — приходилось порывать все связи не только в том дворянском

обществе, которое ее окружало, но и семейные. Уход от мужа был преступлением, падением: она из порядочной женщины становилась женщиной неприличного поведения. Так на это смотрели все, включая ее отца Леонтия Борисовича Тургенева и мать Екатерину Александровну.

Не только большое чувство к А. А. Бострому заставило ее решиться на такой трудный шаг в жизни, — моя мать была образованным для того времени человеком и писательницей. Самарское общество восьмидесяти годов — до этого времени, когда в Самаре появились сос-

ланные марксисты, — представляло одну из самых угнетающих картин человеческого свинства. Богатые купцы — мукомолы, купцы — скупщики дворянских имений, изнывающие от безделья и скуки, разоряющиеся помещики-«степняки» и — общий фон — мещане, так ярко и с такой ненавистью изображенные Горьким...

Люди спивались и свинели в этом страшном, пыльном, некрасивом городе, окруженном мещанскими слободами... Когда там появился мелкопоместный помещик Алексей Аполлонович Бостром, молодой красавец, либерал, читатель книг, человек с «запросами», — перед моей матерью встал вопрос жизни и смерти: разлагаться в свинском болоте или уйти к высокой духовной и чистой жизни. И она ушла к новому мужу, к новой жизни — в Николаевск. Там моей мамой были написаны две повести.

Алексей Аполлонович, либерал и наследник «шестидесятников» (это понятие «шестидесятники» у нас в доме всегда произносилось как священное, как самое высшее), не мог ужиться со степными помещиками в Николаевске, не был переизбран в управу и вернулся с моей мамой и мной (двухлетним ребенком) на свой хутор Сосновку.

Там прошло мое детство. Сад, Пруды, окруженные ветлами и заросшие камышом. Степная речонка Чагра Товарищи — деревенские ребята. Верховые лошади. Ковыльные степи, где лишь курганы нарушали однообразную линию горизонта... Смены времен года, как огромные и всегда новые события. Все это и в особенности то, что я рос один, развивало мою мечтательность...

Детских книг я почти не читал, должно быть, у меня их и не было. Любимым писателем был Тургенев. Я начал его слушать в зимние вечера лет с семи. Потом — Лев Толстой, Некрасов, Пушкин. (К Достоевскому у нас относились с некоторым страхом, как к «жестокому» писателю).

Лет с десяти я начал много читать —

все тех же классиков. А года через три, когда меня с трудом (так как на вступительных экзаменах я получил почти круглую двойку) поместили в сызранское реальное училище, я добрался в городской библиотеке до Жюль Верна, Фенимора Купера, Майн Рида и глотал их с упоением, хотя матушка и вотчим неодобрительно называли эти книжки дребеденью.

До тринадцати лет, до поступления в реальное училище, я жил созерцательно — мечтательной жизнью. Конечно, это не мешало мне целыми днями пропадать на сенокосе, на живье, на молотье, на реке с деревенскими мальчишками, зимой ходить к знакомым крестьянам слушать сказки, побасенки, песни, играть в карты: в носы, в короли, в свои козыри, играть в бабки, на сугробах драть стенку на стенку, наряжаться на святках, скакать на необъезженных лошадях без узды и седла и т. д.

Глубокое впечатление, живущее во мне и по сей день, оставили три голодных года, с 1891 по 1893. Земля тогда лежала растресканная, зелень преждевременно увядала и облетала. Поля стояли желтыми, сожженными. На горизонте лежал тусклый вал мглы, сжигающей все. Мы переехали в Самару, в собственный дом на Саратовской улице, купленный вотчимом на остатки от уплаты долгов по закладным и векселям.

В 1901 году я окончил реальное училище в Самаре и поехал в Петербург. Сдал конкурсный экзамен в Технологический институт и поступил на механическое отделение. Первые литературные опыты я отношу к шестнадцатилетнему возрасту — это были стихи, беспомощное подражание Некрасову и Надсону.

Я рано женился, девятнадцати лет, на студентке медичке. Как все, я участвовал в студенческих волнениях и забастовках, состоял в социал-демократической фракции и в столовой комиссии Технологического института. В 1903 году у Казанского собора во

время демонстраций едва не был убит брошенным булыжником, — меня спасла книга, засунутая на груди за шинель.

Когда были закрыты высшие учебные заведения, в 1905 году я уехал в Дрезден, где в политехникуме пробыл один год. Там снова начал писать стихи — это были и революционные (какие писал тогда Тан-Богораз и даже молодой Вальмонт), и лирические опыты. Летом 1906 года, вернувшись в Самару, я показал их моей матери. Она с грустью сказала, что все это очень серо. Тетради этой не сохранилось.

Летом 1906 года умерла от менингита моя мать Александра Леонтьевна. Я уехал в Петербург, чтобы продолжать учебу в Технологическом институте.

Начиналась эпоха реакции, и с нею вместе на сцену к огням рампы выходят символисты.

С их творчеством — Вячеслав Иванов, Вальмонт, Белый — впервые меня познакомил чиновник министерства путей сообщения и яхтсмен Константин Петрович Вандер Флит, чудак и фантазер. По ночам у себя в мансарде на Васильевском острове при свете керосиновой лампы он читал мне стихи символистов и говорил о них с неподражаемым жаром фантазии.

Тогда же, весной 1907 года, я написал первую книжку «декадентских» стихов. Это была подражательная, наивная и плохая книжка. Но ею для самого себя я проложил путь к осознанию современной формы поэзии. Уже через год была написана вторая книжка стихов — «За синими реками». От нее я не отказываюсь и по сей день. «За синими реками» — это результат моего первого знакомства с русским фольклором, русским народным творчеством.

Тогда же я начал свои первые опыты прозы «Сорочьи сказки». В них я пытался в сказочной форме выразить свои детские впечатления. Но более совершенно это удалось мне сделать много лет спустя в повести «Детство Никиты».

Осенью 1909 года я написал первую повесть, которая впоследствии вошла в книгу «Заволжье», а еще позднее в расширенный том «Под старыми липами», книгу об эпизодах дворянского быта той части помещиков, которые перемалыва-

«...Талант ваш — просто большой, настоящий русский и — по-русски — умный...»

А. М. ГОРЬКИЙ.

лись новыми земельными магнатами.

Затем следуют два романа: «Хромой барин» и «Чудаки» и на этом оканчивается мой первый период повествовательного искусства, связанный с той средой, которая окружала меня в юности.

Я исчерпал тему воспоминаний и вплотную подошел к современности. И тут я потерпел крах. Повести и рассказы о современности были неудачны, нетипичны. Теперь я понимаю причину этого. Я продолжал жить в кругу символистов, реакционное искусство которых не принимало современности, бурно и грозно закипавшей навстречу революции.

Символисты уходили в абстракцию, в мистику, рассказывались по «башням» из «слоновой кости», где намеревались переждать то, что надвигалось.

Я любил жизнь, всем своим темпераментом противился абстракции, идеалистическим мировоззрениям. То, что мне было полезно в 1910 году, вредило и тормозило в 1913 году.

Я отлично понимал, что так дальше нельзя. Я всегда много работал, теперь работал еще упорнее, но результаты были плачевны: я не видел подлинной жизни страны и народа.

Началась война. Как военный корреспондент («Русские ведомости»), я был на фронтах, был в Англии и Франции (1916 год). Книгу очерков о войне я давно уже не переиздаю: царская цензура не позволила мне во всю силу сказать то, что я увидел и переувидел. Лишь несколько рассказов того времени вошло в собрание моих сочинений.

Но я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие, содрал с себя наглухо застегнутый, черный сюртук символистов. Я видел русский народ.

Но я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие, содрал с себя наглухо застегнутый, черный сюртук символистов. Я видел русский народ.

Тогда же я начал свои первые опыты прозы «Сорочьи сказки». В них я пытался в сказочной форме выразить свои детские впечатления. Но более совершенно это удалось мне сделать много лет спустя в повести «Детство Никиты».

Осенью 1909 года я написал первую повесть, которая впоследствии вошла в книгу «Заволжье», а еще позднее в расширенный том «Под старыми липами», книгу об эпизодах дворянского быта той части помещиков, которые перемалыва-

лись новыми земельными магнатами.

Затем следуют два романа: «Хромой барин» и «Чудаки» и на этом оканчивается мой первый период повествовательного искусства, связанный с той средой, которая окружала меня в юности.

Затем следуют два романа: «Хромой барин» и «Чудаки» и на этом оканчивается мой первый период повествовательного искусства, связанный с той средой, которая окружала меня в юности.

Я исчерпал тему воспоминаний и вплотную подошел к современности. И тут я потерпел крах. Повести и рассказы о современности были неудачны, нетипичны. Теперь я понимаю причину этого. Я продолжал жить в кругу символистов, реакционное искусство которых не принимало современности, бурно и грозно закипавшей навстречу революции.

Символисты уходили в абстракцию, в мистику, рассказывались по «башням» из «слоновой кости», где намеревались переждать то, что надвигалось.

Я любил жизнь, всем своим темпераментом противился абстракции, идеалистическим мировоззрениям. То, что мне было полезно в 1910 году, вредило и тормозило в 1913 году.

Я отлично понимал, что так дальше нельзя. Я всегда много работал, теперь работал еще упорнее, но результаты были плачевны: я не видел подлинной жизни страны и народа.

Началась война. Как военный корреспондент («Русские ведомости»), я был на фронтах, был в Англии и Франции (1916 год). Книгу очерков о войне я давно уже не переиздаю: царская цензура не позволила мне во всю силу сказать то, что я увидел и переувидел. Лишь несколько рассказов того времени вошло в собрание моих сочинений.

Но я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие, содрал с себя наглухо застегнутый, черный сюртук символистов. Я видел русский народ.

Тогда же я начал свои первые опыты прозы «Сорочьи сказки». В них я пытался в сказочной форме выразить свои детские впечатления. Но более совершенно это удалось мне сделать много лет спустя в повести «Детство Никиты».

Осенью 1909 года я написал первую повесть, которая впоследствии вошла в книгу «Заволжье», а еще позднее в расширенный том «Под старыми липами», книгу об эпизодах дворянского быта той части помещиков, которые перемалыва-

лись новыми земельными магнатами.

Затем следуют два романа: «Хромой барин» и «Чудаки» и на этом оканчивается мой первый период повествовательного искусства, связанный с той средой, которая окружала меня в юности.

Я отлично понимал, что так дальше нельзя. Я всегда много работал, теперь работал еще упорнее, но результаты были плачевны: я не видел подлинной жизни страны и народа.

Началась война. Как военный корреспондент («Русские ведомости»), я был на фронтах, был в Англии и Франции (1916 год). Книгу очерков о войне я давно уже не переиздаю: царская цензура не позволила мне во всю силу сказать то, что я увидел и переувидел. Лишь несколько рассказов того времени вошло в собрание моих сочинений.

Но я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие, содрал с себя наглухо застегнутый, черный сюртук символистов. Я видел русский народ.

Тогда же я начал свои первые опыты прозы «Сорочьи сказки». В них я пытался в сказочной форме выразить свои детские впечатления. Но более совершенно это удалось мне сделать много лет спустя в повести «Детство Никиты».

Осенью 1909 года я написал первую повесть, которая впоследствии вошла в книгу «Заволжье», а еще позднее в расширенный том «Под старыми липами», книгу об эпизодах дворянского быта той части помещиков, которые перемалыва-

лись новыми земельными магнатами.

Затем следуют два романа: «Хромой барин» и «Чудаки» и на этом оканчивается мой первый период повествовательного искусства, связанный с той средой, которая окружала меня в юности.

Я отлично понимал, что так дальше нельзя. Я всегда много работал, теперь работал еще упорнее, но результаты были плачевны: я не видел подлинной жизни страны и народа.

Началась война. Как военный корреспондент («Русские ведомости»), я был на фронтах, был в Англии и Франции (1916 год). Книгу очерков о войне я давно уже не переиздаю: царская цензура не позволила мне во всю силу сказать то, что я увидел и переувидел. Лишь несколько рассказов того времени вошло в собрание моих сочинений.

Но я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие, содрал с себя наглухо застегнутый, черный сюртук символистов. Я видел русский народ.

Тогда же я начал свои первые опыты прозы «Сорочьи сказки». В них я пытался в сказочной форме выразить свои детские впечатления. Но более совершенно это удалось мне сделать много лет спустя в повести «Детство Никиты».

Осенью 1909 года я написал первую повесть, которая впоследствии вошла в книгу «Заволжье», а еще позднее в расширенный том «Под старыми липами», книгу об эпизодах дворянского быта той части помещиков, которые перемалыва-

лись новыми земельными магнатами.

Затем следуют два романа: «Хромой барин» и «Чудаки» и на этом оканчивается мой первый период повествовательного искусства, связанный с той средой, которая окружала меня в юности.

Я отлично понимал, что так дальше нельзя. Я всегда много работал, теперь работал еще упорнее, но результаты были плачевны: я не видел подлинной жизни страны и народа.

Началась война. Как военный корреспондент («Русские ведомости»), я был на фронтах, был в Англии и Франции (1916 год). Книгу очерков о войне я давно уже не переиздаю: царская цензура не позволила мне во всю силу сказать то, что я увидел и переувидел. Лишь несколько рассказов того времени вошло в собрание моих сочинений.

Но я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие, содрал с себя наглухо застегнутый, черный сюртук символистов. Я видел русский народ.

Тогда же я начал свои первые опыты прозы «Сорочьи сказки». В них я пытался в сказочной форме выразить свои детские впечатления. Но более совершенно это удалось мне сделать много лет спустя в повести «Детство Никиты».

Осенью 1909 года я написал первую повесть, которая впоследствии вошла в книгу «Заволжье», а еще позднее в расширенный том «Под старыми липами», книгу об эпизодах дворянского быта той части помещиков, которые перемалыва-

лись новыми земельными магнатами.

Затем следуют два романа: «Хромой барин» и «Чудаки» и на этом оканчивается мой первый период повествовательного искусства, связанный с той средой, которая окружала меня в юности.

Я отлично понимал, что так дальше нельзя. Я всегда много работал, теперь работал еще упорнее, но результаты были плачевны: я не видел подлинной жизни страны и народа.

Началась война. Как военный корреспондент («Русские ведомости»), я был на фронтах, был в Англии и Франции (1916 год). Книгу очерков о войне я давно уже не переиздаю: царская цензура не позволила мне во всю силу сказать то, что я увидел и переувидел. Лишь несколько рассказов того времени вошло в собрание моих сочинений.

Но я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие, содрал с себя наглухо застегнутый, черный сюртук символистов. Я видел русский народ.

Тогда же я начал свои первые опыты прозы «Сорочьи сказки». В них я пытался в сказочной форме выразить свои детские впечатления. Но более совершенно это удалось мне сделать много лет спустя в повести «Детство Никиты».

Осенью 1909 года я написал первую повесть, которая впоследствии вошла в книгу «Заволжье», а еще позднее в расширенный том «Под старыми липами», книгу об эпизодах дворянского быта той части помещиков, которые перемалыва-

лись новыми земельными магнатами.

Затем следуют два романа: «Хромой барин» и «Чудаки» и на этом оканчивается мой первый период повествовательного искусства, связанный с той средой, которая окружала меня в юности.

Я отлично понимал, что так дальше нельзя. Я всегда много работал, теперь работал еще упорнее, но результаты были плачевны: я не видел подлинной жизни страны и народа.

Началась война. Как военный корреспондент («Русские ведомости»), я был на фронтах, был в Англии и Франции (1916 год). Книгу очерков о войне я давно уже не переиздаю: царская цензура не позволила мне во всю силу сказать то, что я увидел и переувидел. Лишь несколько рассказов того времени вошло в собрание моих сочинений.

Но я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие, содрал с себя наглухо застегнутый, черный сюртук символистов. Я видел русский народ.

Тогда же я начал свои первые опыты прозы «Сорочьи сказки». В них я пытался в сказочной форме выразить свои детские впечатления. Но более совершенно это удалось мне сделать много лет спустя в повести «Детство Никиты».

Осенью 1909 года я написал первую повесть, которая впоследствии вошла в книгу «Заволжье», а еще позднее в расширенный том «Под старыми липами», книгу об эпизодах дворянского быта той части помещиков, которые перемалыва-

лись новыми земельными магнатами.

Затем следуют два романа: «Хромой барин» и «Чудаки» и на этом оканчивается мой первый период повествовательного искусства, связанный с той средой, которая окружала меня в юности.

Я отлично понимал, что так дальше нельзя. Я всегда много работал, теперь работал еще упорнее, но результаты были плачевны: я не видел подлинной жизни страны и народа.

Началась война. Как военный корреспондент («Русские ведомости»), я был на фронтах, был в Англии и Франции (1916 год). Книгу очерков о войне я давно уже не переиздаю: царская цензура не позволила мне во всю силу сказать то, что я увидел и переувидел. Лишь несколько рассказов того времени вошло в собрание моих сочинений.

Но я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие, содрал с себя наглухо застегнутый, черный сюртук символистов. Я видел русский народ.

Тогда же я начал свои первые опыты прозы «Сорочьи сказки». В них я пытался в сказочной форме выразить свои детские впечатления. Но более совершенно это удалось мне сделать много лет спустя в повести «Детство Никиты».

Осенью 1909 года я написал первую повесть, которая впоследствии вошла в книгу «Заволжье», а еще позднее в расширенный том «Под старыми липами», книгу об эпизодах дворянского быта той части помещиков, которые перемалыва-

лись новыми земельными магнатами.

Затем следуют два романа: «Хромой барин» и «Чудаки» и на этом оканчивается мой первый период повествовательного искусства, связанный с той средой, которая окружала меня в юности.

Я отлично понимал, что так дальше нельзя. Я всегда много работал, теперь работал еще упорнее, но результаты были плачевны: я не видел подлинной жизни страны и народа.

Началась война. Как военный корреспондент («Русские ведомости»), я был на фронтах, был в Англии и Франции (1916 год). Книгу очерков о войне я давно уже не переиздаю: царская цензура не позволила мне во всю силу сказать то, что я увидел и переувидел. Лишь несколько рассказов того времени вошло в собрание моих сочинений.

Но я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие, содрал с себя наглухо застегнутый, черный сюртук символистов. Я видел русский народ.

Тогда же я начал свои первые опыты прозы «Сорочьи сказки». В них я пытался в сказочной форме выразить свои детские впечатления. Но более совершенно это удалось мне сделать много лет спустя в повести «Детство Никиты».

Осенью 1909 года я написал первую повесть, которая впоследствии вошла в книгу «Заволжье», а еще позднее в расширенный том «Под старыми липами», книгу об эпизодах дворянского быта той части помещиков, которые перемалыва-

лись новыми земельными магнатами.

Затем следуют два романа: «Хромой барин» и «Чудаки» и на этом оканчивается мой первый период повествовательного искусства, связанный с той средой, которая окружала меня в юности.

Я отлично понимал, что так дальше нельзя. Я всегда много работал, теперь работал еще упорнее, но результаты были плачевны: я не видел подлинной жизни страны и народа.

Началась война. Как военный корреспондент («Русские ведомости»), я был на фронтах, был в Англии и Франции (1916 год). Книгу очерков о войне я давно уже не переиздаю: царская цензура не позволила мне во всю силу сказать то, что я увидел и переувидел. Лишь несколько рассказов того времени вошло в собрание моих сочинений.

Но я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие, содрал с себя наглухо застегнутый, черный сюртук символистов. Я видел русский народ.

Тогда же я начал свои первые опыты прозы «Сорочьи сказки». В них я пытался в сказочной форме выразить свои детские впечатления. Но более совершенно это удалось мне сделать много лет спустя в повести «Детство Никиты».

Осенью 1909 года я написал первую повесть, которая впоследствии вошла в книгу «Заволжье», а еще позднее в расширенный том «Под старыми липами», книгу об эпизодах дворянского быта той части помещиков, которые перемалыва-

лись новыми земельными магнатами.

Затем следуют два романа: «Хромой барин» и «Чудаки» и на этом оканчивается мой первый период повествовательного искусства, связанный с той средой, которая окружала меня в юности.

Я отлично понимал, что так дальше нельзя. Я всегда много работал, теперь работал еще упорнее, но результаты были плачевны: я не видел подлинной жизни страны и народа.

Началась война. Как военный корреспондент («Русские ведомости»), я был на фронтах, был в Англии и Франции (1916 год). Книгу очерков о войне я давно уже не переиздаю: царская цензура не позволила мне во всю силу сказать то, что я увидел и переувидел. Лишь несколько рассказов того времени вошло в собрание моих сочинений.

Но я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие, содрал с себя наглухо застегнутый, черный сюртук символистов. Я видел русский народ.

Тогда же я начал свои первые опыты прозы «Сорочьи сказки». В них я пытался в сказочной форме выразить свои детские впечатления. Но более совершенно это удалось мне сделать много лет спустя в повести «Детство Никиты».

Осенью 1909 года я написал первую повесть, которая впоследствии вошла в книгу «Заволжье», а еще позднее в расширенный том «Под старыми липами», книгу об эпизодах дворянского быта той части помещиков, которые перемалыва-

лись новыми земельными магнатами.

Затем следуют два романа: «Хромой барин» и «Чудаки» и на этом оканчивается мой первый период повествовательного искусства, связанный с той средой, которая окружала меня в юности.

Я отлично понимал, что так дальше нельзя. Я всегда много работал, теперь работал еще упорнее, но результаты были плачевны: я не видел подлинной жизни страны и народа.

Началась война. Как военный корреспондент («Русские ведомости»), я был на фронтах, был в Англии и Франции (1916 год). Книгу очерков о войне я давно уже не переиздаю: царская цензура не позволила мне во всю силу сказать то, что я увидел и переувидел. Лишь несколько рассказов того времени вошло в собрание моих сочинений.

Но я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие, содрал с себя наглухо застегнутый, черный сюртук символистов. Я видел русский народ.

Тогда же я начал свои первые опыты прозы «Сорочьи сказки». В них я пытался в сказочной форме выразить свои детские впечатления. Но более совершенно это удалось мне сделать много лет спустя в повести «Детство Никиты».

Осенью 1909 года я написал первую повесть, которая впоследствии вошла в книгу «Заволжье», а еще позднее в расширенный том «Под старыми липами», книгу об эпизодах дворянского быта той части помещиков, которые перемалыва-

лись новыми земельными магнатами.

Затем следуют два романа: «Хромой барин» и «Чудаки» и на этом оканчивается мой первый период повествовательного искусства, связанный с той средой, которая окружала меня в юности.

Я отлично понимал, что так дальше нельзя. Я всегда много работал, теперь работал еще упорнее, но результаты были плачевны: я не видел подлинной жизни страны и народа.

Началась война. Как военный корреспондент («Русские ведомости»), я был на фронтах, был в Англии и Франции (1916 год). Книгу очерков о войне я давно уже не переиздаю: царская цензура не позволила мне во всю силу сказать то, что я увидел и переувидел. Лишь несколько рассказов того времени вошло в собрание моих сочинений.

Но я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие, содрал с себя наглухо застегнутый, черный сюртук символистов. Я видел русский народ.

Тогда же я начал свои первые опыты прозы «Сорочьи сказки». В них я пытался в сказочной форме выразить свои детские впечатления. Но более совершенно это удалось мне сделать много лет спустя в повести «Детство Никиты».

Осенью 1909 года я написал первую повесть, которая впоследствии вошла в книгу «Заволжье», а еще позднее в расширенный том «Под старыми липами», книгу об эпизодах дворянского быта той части помещиков, которые перемалыва-

лись новыми земельными магнатами.

Затем следуют два романа: «Хромой барин» и «Чудаки» и на этом оканчивается мой первый период пов